

В. М. МАССОН. *Древнеземледельческая культура Маргианы* (Материалы и исследования по археологии СССР, № 73), М. — Л., 1959, 218 стр., цена 16 р. 20 к.

Содержание рецензируемой работы В. М. Массона не соответствует названию: оно значительно шире, так как касается не только древнеземледельческой культуры Маргианы, но и вопроса о сложении классового общества и государства в Средней Азии¹.

Работа основана на тщательном археологическом анализе памятников конца бронзового и начала железного века в дельте Мургаба и столь же тщательном и осторожном сопоставлении их с другими одновременными памятниками оседлых оазисов Средней Азии и отчасти Ирана. Наряду с рядом памятников времени Намазга VI (что соответствует верхним горизонтам Анау III по старой классификации), центральное место в исследовании занимают комплексы Яз-депе, дающие

¹ Работа разделяется на введение и две части: «Археологические памятники» и «Историко-археологические очерки», а также заключение. В соответствии с характером интересов рецензента, первой части мы коснемся вкратце, второй — более подробно.

возможность строгой стратификации и тем самым являющиеся ключом к относительной и абсолютной хронологии различных одновременных комплексов Средней Азии. Все известные до сих пор комплексы этого рода были по преимуществу однослойными, или по другим причинам не давали возможности полностью раскрыть общую стратиграфическую картину для памятников начала и середины I тысячелетия до н. э. (Кюзели-гыр, Афрасиаб I, Кобадан I и др.).

Произведенный автором анализ позволяет ему во второй части поставить проблемы возникновения и первых шагов развития классового общества в Средней Азии с привлечением письменных источников. Создается целостная и в основных частях убедительная картина. Путем основательного анализа автор освобождается от существовавших ранее в литературе несколько поспешных выводов и заключений, сам не проявляя в то же время и в этом излишней поспешности. Для постороннего наблюдателя и ранее бросался в глаза тот факт, что при почти полном отсутствии памятников ахеменидского времени в Средней Азии обнаружился ряд комплексов, относимых к доахеменидскому времени. Снижение ряда датировок в результате привлечения и анализа нового материала устраняет это противоречие; становится ясно, что в Средней Азии уже сейчас представлены достаточно обширные комплексы ахеменидского времени, и в то же время не только намечается характер непосредственно преахеменидской культуры (Яз I), но и выявляется ее связь с предыдущей культурой эпохи бронзы.

Одновременно работа В. М. Массона является вкладом в изучение важной проблемы продвижения носителей индоиранских языков на юг Средней Азии, в Индию и Иран. Важно указание автора (стр. 118) на то, что при современной степени изученности археологии Средней Азии нельзя неопределенным образом относить прародину тех или иных народов к «степям Средней Азии», а необходимо связывать их с конкретными археологическими культурами. То же положение можно было бы отнести и к вопросу о месте происхождения Авесты и местоположения области, где правил Вишваспа, покровитель Заратуштры.

В дальнейшем мы будем рассматривать содержание книги по главам.

Часть I, глава 1: «Мургабский вариант культуры Намазга VI». Глава содержит подробный разбор археологических памятников дельты Мургаба, в основном расположенных по старому восточному руслу, ушедшему в тот период далеко на север, поскольку воды Мургаба лишь в незначительной мере разбегались на орошение.

Автор датирует комплексы типа Намазга VI в Маргiane 1600—1300 (ранний этап) и 1300—1000 (поздний этап), но допускает возможность и несколько более ранней датировки (что, по-видимому, связано с выдвигаемой им ниже мыслью о разрыве между культурами Намазга VI и Яз I)². В числе аналогий с другими памятниками особенно поразительны некоторые сопоставления с культурой Джухукар, сменившей в долине Инда высокую «городскую» культуру Харапцы и связываемой с индоарийским проникновением в Индию. В то же время, культура Намазга VI является прямым продолжением культуры Намазга V и Намазга IV, все вместе — Анау III); таким образом здесь наблюдается непрерывность культуры начиная с III тысячелетия до н. э.

Глава 2: «Стратиграфия Яз-депе». Не останавливаясь на описательной части главы, коснемся раздела «Вопросы относительной и абсолютной хронологии».

Автор делит памятники Яз-депе стратиграфически на Яз-депе I (два комплекса)³, Яз II (два комплекса) и Яз III (один комплекс). Яз II и Яз III приблизительно соответствуют комплексам Анау IV, Кюзели-гыр, Афрасиаб I и Кобадан I. Для датировки слоев решающим фактором являются так называемые «скифские» наконечники стрел.

Яз I имеет мало аналогий, по все же связывается с некрополем В Тепе-Сяллка, с одной стороны, и комплексами VII—VI веков до н. э. в Сузах, с другой. Некрополь В автор, — с нашей точки зрения, справедливо, — считает раннеиндийским (X—IX вв.). Некоторые слабые связи имеются у культуры Яз I и с позднеиндрановскими памятниками.

В слоях Яз I еще имеются предшествующие «скифским» черенковые наконечники стрел, восходящие к местным кремневым формам и аналогичные распространенным, в частности, и в Передней Азии первой половины I тысячелетия до н. э. Но для Яз I характерны также двуперые втульчатые («скифские») наконечники стрел, которые восходят к форме втульчатого наконечника копья. Они типичны и для обеих фаз Яз II. Для Яз III характерны трехперые наконечники со скрытой втулкой и опущенными вниз приостренными концами перьев. На этом основании автор считает, что трехперые наконечники в целом позже двуперых (стр. 47). Это мнение кажется нам упрощенным⁴. На переднеазиатском и закавказском материале, по-видимому, можно

² Слой Анау IV A = Яз I отделен от Анау III = Намазга VI слоем угля.

³ Оба комплекса соответствуют позднему этапу данной культуры; более ранние слои имеются в Анау и др.

⁴ По устному сообщению, Б. Б. Пиотровский считает трехгранную форму более ранней, восходящей к коническим костяным наконечникам.

установит, во-первых, что двуперые и трехгранные наконечники не представляют двух разных типов, так как разница между ними зависит от технологии их изготовления, при которой из одной литейной формы получается по два трехгранных и одному двуперому наконечнику⁵, во-вторых, что длина втулки (в некоторых случаях проходящей почти через все лезвие наконечника, в других — расположенной ниже его) не имеет решающего значения для датировки.

Переднеазиатские и закавказские «скифские» (они же и мидийские) наконечники стрел можно предположительно сгруппировать следующим образом:

I — двуперые и трехгранные, листовидные наконечники, с шипом на втулке и без шипа; II — двуперые и трехгранные, ромбовидные, с вытянутым вперед или правильным ромбом, с шипом или без шипа; III — преимущественно трехперые наконечники (перья плоские, а не треугольные в сечении, с более или менее выраженным листообразным расположением ребер). Втулка становится короче, а затем и вовсе скрывается под концами перьев, шип исчезает, концы перьев постепенно становятся свисающими и несколько заостренными.

Отметим (в основном по Б. Б. Пиотровскому) типичные места нахождения стрел этих трех типов. При этом приведем и те исторические обстоятельства, с которыми их нахождение может быть связано.

I. *Самтавро, Мусиери* — небольшое, близкое к ромбовидной форме лезвие, длинная втулка без шипа, ранняя форма? VII в.? *Герар* — скифское вторжение в конце VII в.; ср. вавилонские походы в первой половине VI в. (с участием мидян?). *Ашшур* — пал под ударами мидян в 615 г. до н. э. *Хайкаберд* — походы скифов в VII в.; походы мидян в последнем десятилетии VII в., самое позднее — в первом десятилетии VI в. *Кармир-блур* — пал в последнем десятилетии VII в. или первом десятилетии VI в. *Мингечаур* — могильник (VII? —) VI — IV веков.

II. *Топрак-кала* — походы мидян в последнем десятилетии VII в., может быть и в первом десятилетии VI в. (походы скифов в VII в., видимо, не коснулись Вана). *Аринберд* — пал скорее в начале VI, чем в конце VII в.; имеется ахеменидский слой. *Герар* — скифское вторжение в конце VII в.; вавилонские походы в первой половине VI в. *Мо-сул* — форма для изготовления стрел; конец VII в.? *Тарс* — походы скифов в середине-второй половине VII в.; мидийское вторжение в 590—585 гг.?; ср. вавилонский поход в Киликлию в середине VI в. *Вавилон* — пал под ударами мидян и персов в 538 г. *Сузы* — раннеахеменидское поселение VII—VI веков (имеются и наконечники I типа).

III. *Мингечаур* — основная масса наконечников стрел могильника (VII? —) VI — IV вв.; имеются переходные формы от типа II к типу III. *Акпер (Ворнак), Кедабек* — поздние формы типа Яз III, V—IV вв.?

Из этих данных видно, что тип I относится к VII и самому началу VI в.; тип II — к концу VII и VI в.; тип III — по всей вероятности к V — IV вв.

Если сравнить эти переднеазиатские данные с таблицей, приводимой автором для наконечников стрел Средней Азии и Ирана, то, с нашей точки зрения, втульчатые наконечники и Яз I и Яз II относятся к I типу (VII — начало VI в.), а Яз III — к III типу (V — IV вв.). В таком случае вряд ли можно полностью согласиться с датировкой, предложенной автором (Яз I — 900—650; Яз II — 650—450; Яз III — 450—350): границу между Яз II и Яз III следует, пожалуй, провести лет на 50 раньше. Автор, правда, считает, что изменения форм на востоке Ирана и в Средней Азии происходили позже, чем в более западных районах; это, однако, спорно, — во всяком случае для времени мидийского и ахеменидского военных объединений, включавших как Переднюю Азию, так и Иран и интересующие нас районы Средней Азии, причем одно и то же войско часто перебрасывалось из конца в конец державы.

Наиболее важен следующий раздел «Яз-депе и синхронные памятники». Общие выводы автора следующие: Гяур-кала = переход от Яз II к Яз III (V—IV вв.)⁶; Анау IV = Яз III и частично Яз I — Яз II (?), Кюзели-гыр = Яз III (V—IV, и, может быть, частично III в. до н. э.); Кобадан I (основной комплекс) = Яз II и большая часть Яз III (500—350 гг. до н. э.); Афрасиаб I = Яз III (V — IV вв.).

Нам кажется, что автор имеет здесь некоторую тенденцию к слишком позднему датировкам. Исходя из приведенных выше типов наконечников стрел в Передней Азии, наконечники стрел Нади-Али I относятся к I и II типам (VII—VI в.), Кюзели-гыр — к III (V—IV в.). Что касается двуперых наконечников из Кобадан I, то они, — на что в свое время рецензент уже обратил внимание издававшего их М. М. Дьяконова, — являются как бы переходными между типами I и II (ближе ко второму) и могут быть

⁵ См. Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, Ереван, 1955, стр. 41. Отсюда долгое бытование двуперых наконечников (В. М. Массон, рец. соч., стр. 47) — до IV и даже, может быть, до III вв. до н. э.

⁶ Не правильно ли было в таком случае датировать комплекс VI—V веками, даже исходя из дат автора для Яз II и Яз III, и считать, что создание цитадели Гяур-калы совпадает с установлением ахеменидского господства в Маргиане (при Кире II или же при Дарии I? Не здесь ли была резиденция Гистаспа?).

датированы (даже припимая во внимание, возможно, более позднюю смену форм в Средней Азии) скорее всего VI веком. Таким образом, хотя вывод автора, что комплекс Кобадиян I относится к ахеменидскому времени, в общем виде и правлен, нельзя исключить возможность, что возведение здания, где найдены стрелки, восходит ко времени, непосредственно предшествующему ахеменидскому завоеванию.

Яз III несомненно целиком относится к ахеменидскому времени: относятся ли к нему также и слои Яз II по приведенному автором материалу, как нам кажется, еще судить нельзя. Для комплексов типа Яз II, как показывает автор, характерно появление так называемой «баночной» керамики, распространенной в замкнутом районе: Согд, Хорезм, Парфия, Бактрия и Маргиана, и отличной от керамики как Ферганы и Чача, так и Дрангианы, Персиды и Сузианы. Сам автор (стр. 62) предположительно связывает эту керамику с доахеменидским бактрийским объединением. Нам казалось бы более вероятным считать, что культура Яз II должна быть отнесена к доахеменидскому времени, и сохранялась, быть может, лишь в течение самого первого поколения после ахеменидского завоевания.

Глава 3: «Топография и орошение древнемаргианских поселений». Автор дает здесь содержательный обзор имеющихся городищ и т. п., а также предлагает схему истории развития орошения в Маргиане с конца II по середину I тысячелетия до н. э. на основании археологических данных.

Часть II, глава 1: «Южный Туркменистан периода поздней бронзы и раннего железа». В начале единственным земледельческим очагом в Туркмении был район Ахала — Этека. Земледельческая культура в Маргиане складывается в период Намазга VI, но используется только непосредственно вода естественной протоки. По-видимому, с периода Яз I начинается проведение в дельте Мургаба крупных магистральных каналов и освоение новых земледельческих площадей в Маргиане (выходцами из Ахала и Этека), в также в Дахистане; начинается железный век. Гибнут крупные общинные поселения, сменяемые более мелкими. Причину этого автор видит в исчерпании возможностей небольших площадей старых оазисов при возросшем числе жителей и в расселении последних на новых территориях. Одновременно происходит заметный рост имущественного, а стало быть, и социального расслоения. В поселениях с I тысячелетия до н. э. появляются цитадели.

Наиболее существенны соображения автора об археологическом отождествлении древнейших индоиранских племен (стр. 117 и сл.). Автор приходит к заключению, что нельзя рассматривать культуру Яз I как результат вторжения индоиранских кочевых «варваров» — андроновцев и разрушения культуры Намазга VI, которая сама имеет связь с «арийской» культурой Джхувар в Индии. Он рассматривает культуру Яз I как продолжение культуры Намазга VI, но не непосредственное, так как отсутствует промежуточное звено (место которого, очевидно, занято слоем пожара между Анау III и Анау IV A). Он отмечает отсутствие сколько-нибудь значительных связей между материальной культурой андроновцев и Яз I, и считает, что население южной Туркмении было индоиранским уже в течение периода Намазга VI (а следовательно, и Намазга V и IV? Однако это у автора определено не высказано).

Несомненно, что в настоящее время говорить о скотоводческих племенах Причерноморья и Прикаспия как о предках всех вообще индоевропейцев никак нельзя; но и отождествление «андроновцы = арии» должно иметь в виду не столько индоиранские племена вообще, сколько еще уже — одни лишь кочевые иранские племена; соображения автора не отвергают отождествления племен срубной и андроновской культур с предками «восточно»-иранских кочевников — скифов и саков.

Нам кажется весьма вероятным, что культура Намазга VI (и, возможно, уже и Намазга V и IV, т. е. целиком Анау III) была индоевропейской, точнее — индоиранской; здесь и мог быть очаг проникновения индоарийцев как в Переднюю Азию (Митания, Сирия, Палестина), так и в Индию — в течение II тысячелетия до н. э.⁷ По мере того как части индоарийского населения юга Средней Азии выбывали на юго-запад и юго-восток, в оседлые оазисы должны были просачиваться замещающие их, очень близкие им по языку (а в это время, надо думать, почти идентичные) иранские скотоводческие племена андроновцев⁸.

⁷ Высказывавшееся неоднократно предположение о проникновении в Переднюю Азию через Кавказ как первой волны индоиранцев («арийский» элемент в Передней Азии II тысячелетия, проникновение индоарийского элемента в Индию в конце культуры Харапш?), так и второй (мидяне и персы), не кажется нам подкрепленным достаточно убедительными данными, хотя появление иранской ономастики на крайнем северо-западе Иранского нагорья, возможно, и следует датировать более ранним временем, чем это сделано мной в «Истории Мидии» (стр. 151 и др.) (см. рецензию Э. А. Грантовского на эту книгу, СВ, 1958, № 3, стр. 151 и сл.).

⁸ См. рец. соч., стр. 121.

Совершенно естественно, что такой процесс должен был идти постепенно и не сопровождаться существенной ломкой в области материальной культуры⁹. Новые поселения сливались со старыми и полностью воспринимали их достижения. Так было и при проникновении семитов в Южное Двуречье, которое не сопровождалось каким-либо значительным и явственным изменением культуры. В центральном и северо-западном Иране, где постепенно укрепление иранского языка можно наглядно проследить, коренной ломки традиций материальной культуры (вплоть до одежды) тоже не произошло, что видно по некрополю В Тепе-Сиаляк и по всему развитию мидо-персидской культуры в сравнении с более ранними, доиндоевропейскими этапами культуры Ирана.

С другой стороны, хотя вполне вероятно, что население Намазга VI было индоиранским (и что среди населения соседних местностей, например, Гиссара III—II тысячелетий до н. э., и т. п., — могли быть индоарийцы), но нет необходимости считать, что вся культура Анау III непременно уже была индоарийской; процесс постепенного проникновения и смены языка местного населения мог иметь такой же точный характер при первом появлении индоарийцев, как позже при появлении родственных им иранцев, — и не дать заметного отражения в материальной культуре.

То обстоятельство, что материальные культурные влияния, возможно, шли с юга на север, из сельскохозяйственных оазисов юга Средней Азии в сторону Казахстана и Сибири (стр. 121), вовсе не означает, что продвижение языка и даже самих племен, его носителей, не могло происходить в обратном направлении. Эта проблема не может решаться вне учета общей проблемы первоначального обитания носителей всех вообще индоевропейских языков, а здесь уже вряд ли может быть сомнение в том, что центром распространения индоевропейских языков являлась юго-восточная Европа. Следовательно, индоиранские языки могли появиться в Средней Азии, Индии и Иране только с северо-запада.

Следует отметить, что автор касается всех этих проблем с величайшей осторожностью, высказываясь по ним лишь предположительно, — со значительно большей осторожностью, чем мы, желая привлечь особое внимание к важной проблеме археологического отождествления носителей ранних индоевропейских языков в Азии, позволили себе в настоящей рецензии.

Глава 2: «Проблема доахеменидских государственных образований в Средней Азии и новый археологический материал». Автор разбирает различные существующие в советской науке точки зрения на время образования классового общества и «городской цивилизации» в оседлых оазисах юга Средней Азии. Признавая высокое развитие общества II тысячелетия до н. э. в предгорных районах Туркмении, автор справедливо отвергает определение его как классового и указывает на то, что здесь наблюдается лишь звено в целом ряде аналогичных явлений, наблюдаемых также в Иране и др., где о классовом обществе говорить в это время невозможно.

Разбирая затем археологические данные в пользу и против гипотез о мощных доахеменидских объединениях в Средней Азии с центрами в Хорезме и Бактрии, автор приходит к заключению, что до V в. в Хорезме могла быть только конфедерация племен, — возможно, с влиянием и за пределами Хорезма¹⁰. Напротив, создание классового общества в доахеменидской Маргиане (и Бактрии) автор считает вероятным. Это подтверждает и подробный анализ письменных источников. К сожалению, автор не привлекает данных зороастрийской традиции, согласно которой царство Виштаспы, повелителя Заратуштры, имело центром именно Бактры. Правда, конечно, привлечение этого материала вовлекло бы автора в обсуждение сложнейшей и спорной проблемы о происхождении этой традиции, что в данном случае, быть может, было нежелательным.

Для выяснения возможной степени развития социальных отношений при данной степени развития производства в условиях ирригационного хозяйства автор привлекает в качестве аналогии развитие общества в Шумере. Здесь можно возразить автору в деталях. О рабах-мужчинах в Шумере можно говорить с конца периода Джемдет-Наср. Единые правители появляются лишь в раннединастический период, и своеобразные здания в Уруке и Джемдет-Насре, как и полагал Г. Чайльд, не могли быть дворцами правителей. Кроме работы Г. Чайльда, следовательно, бы привлечь здесь и другие общие работы, — например, V. Christian, *Alttertumskunde des Zweistromlandes* (Lpz., 1940).

⁹ Возможно, что характерные отличия иранской и индоарийской группы языков вырабатывались как у иранцев, так и у индоарийцев уже после того, как последние ушли с территории Средней Азии.

¹⁰ Ср. Нег., III, 117. Следует заметить, что если греческие источники называют хорезмского правителя IV в. Фарасмана «царем», то и это само по себе еще не доказывает, что там существовало государство, — «царицами» назывались у них и женщины-вожди массагетов и саков.

Хотя соображения автора и убедительны, было бы лучше, если бы он привлек и другие аналогии, — например, общество ранней Малой Азии, в некоторых отношениях более близкое к обществу Туркмении, чем Шумер.

Совокупность данных заставляет автора, вполне справедливо, считать, что общество южного Туркменистана в 1000—750 гг. было аналогично мидийскому, т. е. стояло на пороге классового общества.

Останавливаясь на взаимоотношениях среднеазиатских областей и Мидийской державы, автор считает, что последняя включала на востоке только Парфию и Гирканию. С этим нельзя согласиться. Автор критикует теорию рецензента, согласно которой в основе Геродотова списка сатрапий лежит принцип их распределения по времени присоединения — к Мидийской или уже к Персидской державе, — и справедливо указывает, что Мидия не могла включать Хорезма, отнесенного к XVI, т. е., по нашей теории, — к «мидийской» сатрапии. Но очевидно, что речь идет о включении в Мидийскую державу не сатрапий в их границах ахеменидского времени, а только ядер этих сатрапий, давших им свое имя. Согласно гипотезе рецензента, XVI сатрапия — это сатрапия Гистаспа, отца Дария I, временно созданная путем административного слияния обширных территорий. Это расширение сатрапии Гистаспа, который первоначально правил только Парфией, стало вполне естественным с момента, когда его сын Дарий сделался царем. Но если это так, то, очевидно, что терминологически XVI сатрапия была сатрапией Парфией, а Парфия, несомненно, была присоединена еще к Мидии. Поэтому факт отнесения к XVI сатрапии Согда и Хорезма при Дарии I не опорочивает причисления XIV, XV, XVI и, возможно, XVII сатрапий к числу «мидийских»¹¹. Следует обратить внимание на сообщение Геродота (I, 102—103) о том, что мидийские цари объединили «всю верхнюю Азию». Под «верхней Азией» Геродот разумеет в основном Армянское и Иранское нагорье и примыкающие области. Трудно также представить себе, чтобы Кир мог за короткий срок¹² завоевать Сеistan, Белуджистан, Афганистан, Хорезм и всю территорию нынешнего Таджикистана. Даже Александру, нередко просто перенимавшему готовую государственную структуру Ахеменидов в этих областях, понадобилось около пяти лет для завоевания этих территорий. Кроме того, Геродот говорит, что перед Киrom после завоевания Вавилона (в 538 г.) стояла непосредственная задача завоевания «бактрийского народа». Значит, по крайней мере, Арея и Дрангиана должны были быть уже завоеваны. Маловероятно, чтобы это было совершено самим Киrom до вавилонской войны, так как в 550/549 г. закончилась война с Мидией, за которой должно было последовать замирение отдельных подчиненных ранее Мидии областей, а уже в 546/545 г. происходила война с Лидией и, по-видимому, не позже, чем в 542 г., началась подготовка войны с Вавилоном. Очевидно, что основные восточноиранские области и часть среднеазиатских должны были быть присоединены уже Мидией, хотя, возможно, персам их пришлось замирать в период 549—547 гг. и позже.

Автор из осторожности почти не учитывает (в частности, при характеристике социального строя доахеменидской Средней Азии) данных Авесты, считая вопрос недостаточно исследованным (ср. стр. 11). С нашей точки зрения, отбрасывать данные Гат даже при нынешнем состоянии их изучения неправильно, — в особенности после работ В. Б. Хеннинга, В. И. Абаева и др.¹³ Позже В. М. Массону все равно приходится вернуться к вопросу об отражении реформы Заратуштры в археологическом материале.

Глава 3: «Оседлые области Средней Азии в составе Ахеменидской державы». Глава начинается с обзора археологических данных по Средней Азии ахеменидского времени и с изложения предполагаемого хода завоевания Средней Азии Киrom, которое автор относит к 539—530 гг. С этим завоеванием автор связывает запустение цитадели Яз-депе (Яз II, что подтверждает высказанное нами выше мнение о целом доахеменидском характере культуры Яз II, хотя не исключено, что упадок этой цитадели и другие явления того же порядка следует связывать с восстанием Фрады в 522 г. и обезлюдением тогда многих поселений Маргианы, потерявшей десятки тысяч жителей)¹⁴.

К этой главе можно сделать несколько мелких замечаний. Нужно учесть, что сообщения Ксенофонта в его романе «Киропедия» в огромном большинстве случаев

¹¹ Ср. карту, И. М. Дьяконов, История Мидии, 1956, стр. 337.

¹² По автору (стр. 138), между 539— точнее 537 — и 530 годами, притом даже за одну кампанию!

¹³ W. B. Henning, Zoroaster, Politician or Witch-doctor? L., 1951. (В. Б. Хеннинга следовало бы упомянуть и на стр. 126 в качестве одного из сторонников теории большого доахеменидского хорезмийского объединения, включавшего и Маргиану; к его территории он относит деятельность Заратуштры). В. И. Абаев, Скифский быт и реформа Зороастра, Ар. Ор., XXIV, 1956, стр. 23 слл. См. теперь также I. Gershevitch, The Avestian Hymn to Mithra, Camb., 1959.

¹⁴ Автор указывает, что нет данных о гибели этой цитадели в результате штурма (стр. 139).

заведомо фантастичны; между тем автор цитирует «Киропедию» попеременно и на равных правах с другими источниками. Недостоверность «Киропедии» необходимо было бы каждый раз специально оговаривать, или выделять её сообщения отдельно от прочих (даже от Ктесия). По вопросу о социальном характере переворота Гауматы см. также статью В. О. Тюрина (ТИЯз, VI, 1956).

Трудно согласиться с тем, что Согд никогда не составлял отдельной сатрапии. Почему же тогда он в надписях всегда упоминается отдельно (стр. 145)? Мы полагаем, что военачальниками Ксеркса были, как обычно, сатрапы, — иначе непонятно, зачем было группировать военные контингенты по народам? Если военачальник бактрийцев Гистасп, сын Дария, не был сатрапом Бактрии, то, вероятно, потому что действительный сатрап Масист занимал более высокую должность в общем командовании армии (стр. 145—146). Еще вероятнее предположение, сделанное автором на стр. 146, прим. 72: Гистасп и Азан были сатрапами Бактрии и Согдианы, а Масист — наместником нескольких сатрапий, и именно потому одним из лиц высшего командования.

Автор дает сводную таблицу различных списков областей или сатрапий Ахеменидской державы в Средней Азии (стр. 148). При этом он, следуя А. Т. Э. Олмстеду, относит список Геродота ко времени Артаксеркса I (правда, под вопросом). Однако выше (стр. 126) он как будто соглашался с тем, что XVI сатрапия — это сатрапия Гистаспа, отца Дария или, вернее, временное объединение нескольких сатрапий. Но в таком случае нужно согласиться и с тем, что перед нами список, заимствованный Геродотом у Гекатея (вставной характер его довольно ясен; ср. также Нег., V, 36), и поэтому относится не ко времени Артаксеркса I, а к 500 г. до н. э.

Автор высказывает весьма убедительное мнение о том, что, кроме сатрапов, почти никакой персидской администрации в Средней Азии не было, и ее место занимала местная знать; почти не было и персидских гарнизонов (стр. 149). Это подтверждается и археологическим материалом, хотя автор на это не указывает: в культуре Средней Азии ахеменидского времени очень мало собственно «персидского».

Далее автор разбирает вопрос о характере поселений в Средней Азии ахеменидского времени и дает отождествление: *vardana* — «полк», «город», *didā*, *avahana* — «форт», «деревня», укрепленная или неукрепленная. Однако *avahana* применено в персидских надписях (всего два раза) только к переднеазиатским поселениям; что же касается *didā* (собственно «стена»), то следует учесть, что этим термином (парф. *diz*) впоследствии обозначались в Парфянской державе местные низшие административные единицы. Нам кажется, что *didā* есть всякое укрепленное место, укрепленная деревня, город или крепость, а *vardana* — общинное поселение, независимо от того, укреплено оно или нет. В Beh., II, 78, *didā* названа цитадель Экбатаны, а в Dar. Sus. I — стена дворцового комплекса. При этом нет никакого основания ставить знак равенства между *didā* и *avahana*. Несомненная же деревня *Zazana* в Вавилонии названа в тексте *vardana* (Beh., I, 92). Нужно заметить, что сопоставление среднеазиатских памятников с терминологией, сложившейся в Персиде, где, по-видимому, совсем не было поселений городского типа (кроме царских резиденций), вообще неправомерно. Скорее следовало бы привлечь терминологию Авесты.

Интересны данные автора о развитии ремесла и товарного производства в Средней Азии при Ахеменидах, и в особенности соображения о вероятности появления в Бактрии монетного чекана уже в V—IV вв. до н. э. Не менее интересны соображения о развитии культов в Средней Азии на материале терракот. Автор приходит к выводу, что исчезновение производства терракотовых статуэток древней богини-матери и других культовых фигурок на территории Средней Азии, начиная с первой четверти I тысячелетия до н. э. по IV век (когда изображения женского божества вновь появляются, возможно, в связи с введением культа Анахиты при Артаксерксе II), связано с религиозной реформой Заратуштры. Можно заметить, что аналогичные изменения в культе наблюдаются и в Мидии в период между некрополем В Спалка и VI в. до н. э. (погребальный обряд). Еще раз нельзя не пожалеть, что автор не привлекает материала Гат и вообще Авесты!

В разделе, посвященном социальному анализу общества Средней Азии при Ахеменидах, в целом весьма убедительно, автор не соглашается с тем, что выражение «они сделали его наибольшим», примененное к Фраде, вождю маргианцев, в отличие от «они сделали его царем», примененного к другим повстанцам, означает, что в Маргиане не было традиций царской власти. Он ссылается на то, что в общем списке повстанцев и в приписках к изображениям пленных Фрада назван царем, так же как и остальные восставшие. Но скорее нужно видеть в последних случаях хвастливую неточность писцов Дария, допущенную в целях единообразия списка (изображение Скунхи с короткой припиской «это сак Скунха» сделано, по-видимому, позже). Расхождение в терминологии не означает, что Фрада был вождем первобытной или племенной общины; но это делает вероятным, что в Маргиане к правителю не применялся термин «царь» (как и в Гатах).

Вавилонская хроника прямо не говорит, что Кир обратил жителей Экбатаны в рабство, но в ней применен глагол *šalālu*, о б ы ч н о относящийся к захвату живой

добычи (стр. 162). В поздних аккадских текстах детерминатив ^{ālu} «город» часто употребляется по небрежности вместо ^{mātu} «страна»; вряд ли стоит придавать этому значение (там же, прим. 188).

В сжатом заключении работы хотелось бы видеть отраженным мнение автора об этнической принадлежности племен Намазга VI, Яз I—III и андроновской культуры.

Работа В. М. Массона представляет большой вклад в историческую науку; она впервые бросает свет на многие кардинальные проблемы истории Средней Азии.

И. М. Дьяконов